

prevent herself from inflicting pain on her hypothetical future family. The protagonists, irrespective of the historical guise, epochs and circumstances in which they came to live, do not afford themselves the luxury of compromise, they rebel and fight, opposing the apology of weakness and humility, and the passive acceptance of fate.

REFERENCES

1. Агеева В., Жіночий простір: феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003.
2. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій / Оксана Забужко. – Київ, 2007.
3. Павличко С., Дискурс модернізму в українській літературі / С. Павличко. – Київ 1992.
4. Українка, Леся, Драматичні твори / Леся Українка. – Київ, 1993.
5. Freud Z., Breuer J., Studia nad histerią / Z.Freud, J.Breuer. – Warszawa, 2008.
6. Showalter E., Przedstawiając Ofelię: kobiety, szaleństwo i zadania krytyki feministycznej. Transl. K. Kujawska-Courtney, W. Ostrowski, [In:] Ciało i tekst. Feminizm w literaturoznawstwie — antologia szkiców, A. Nasiłowskiej (ed.), Warsaw 2001, s. 188–205.

С.Ш. Калыгулова,

кандидат филологических наук, доцент

Р.Ж. Сагындыкова,

старший преподаватель,

Ошский государственный университет,

г. Ош, Кыргызская Республика

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ИХ КЫРГЫЗСКИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СООТВЕТСТВИЙ С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Основное качество английских придаточных предложений и их кыргызских функциональных эквивалентов состоит в том, что они имеют зависимую семантику. Их семантика является объяснимой и понятной только в составе сложноподчиненного предложения. И такая зависимость семантики английских придаточных предложений и их кыргызских эквивалентов от смысла главного предложения не зависит от наличия полнозначного или же неполнозначного предикативного центра. Так, в семантической структуре английского сложноподчиненного предложения могут наличествовать две предикативные линии: в главном предложении и в придаточном: например:

1) *When the old lady returned he said to himself, "Now it's coming!"* [9].

- *Когда старушка вернулась, он подумал: "Ну вот, начинается!"*

2) *When he thought that it was nearly morning, he heard the clock strike ten!* [9].

- *Когда ему показалось, что уже приближается утро, он услышал, как пробило девять часов!*

Английский пример (1) показывает две предикативные линии, выражение в двух субъектно-предикатных структурах в главном предложении *he – said to himself* и в придаточном *the old lady – returned*, в котором придаточное предложение подчиняется главному посредством подчинительного временного союза *when*. Английский пример (2) также показывает две предикативные линии, выраженные в субъектно-предикатной структуре главного предложения *he – heard* и в таковой придаточного *he – thought*; придаточное предложение, также как и в предложении (1), соединяется с главным посредством подчинительного временного союза *when*. В обоих случаях, в примерах (1) и (2), придаточные предложения подчиняются главному через смысловую зависимость, которая выражена подчинительным союзом *when*. И при этом придаточное предложение показывает смысловую зависимость в плане временных отношений: действие в главном детерминировано темпорально-временным отрезком действия придаточного предложения.

(3) *Махаббат чымчын өттөсө,*

Толкуну болбойт өмүрдүн [14.]

- *Если не ущитнет любовь,*

Не будет в жизни волнения.

(4) “Эгер менин чарбама, менин отторума мен кожоюн эмес, эл кожоюн болсо, анда эл менин кашарыма барып иштесин...” [1]

- Если я не хозяин над своим хозяйством и над своим пастбищем, и не хозяин народа, то пусть тогда этот народ придет и поработает у меня в кошаре.

В кыргызском сложноподчиненном предложении (3) имеются две предикативные линии: субъектно-предикатная структура главного предложения “толкуну-болбойт” и таковая придаточного “махаббат-чымчып өтпөсө”; при этом главное предложение подчиняет себе придаточное посредством подчинительного условного аффикса “-сө”. В примере (4) также имеются две предикативные линии: субъектно-предикатная структура главного предложения “эл-иштесин” и таковая придаточного “мен-кожоюн эмес”; придаточное предложение подчиняется при этом главному посредством подчинительного условного сложносоставного союза “эгер...болсо”. Зависимый характер кыргызских придаточных предложений в примерах (1) и (2) детерминруется в первую очередь смыслом условности, то есть тем, что действие главного предложения становится возможным при условии наличия определенного действия; а подчинительные условные аффиксы и союзы только оформляют означенный смысл условности.

Таким образом, даже наличие двух предикативных линий в обеих частях сложноподчиненного предложения никак не влияет на семантику подчинения, при которой придаточное английское, или кыргызское предложение подчиняется главному.

Что же касается анализируемых кыргызских сложноподчиненных предложений, в которых наличествует одна полнозначная предикативная линия, а другая неполнозначная, в которой отсутствует одна часть из субъектно-предикатной структуры, то в них семантика подчинения проявляется полномасштабно и не вызывает никаких сомнений; например:

(5) *Кеч кирсе да чарчабайсың
Күзгү кармап олтуруп [14].*

- Даже когда наступает вечер,

Ты все сидишь и держишь зеркало перед собой.

(6) *Букасын көргөндө эле сугаруу керек деп ойлоп кетти [10].*

- Как только он увидел своего быка, он подумал, что надо его поить.

В примере (5) имеется одно безличное главное предложение “...чарчабайсың күзгү кармап олтуруп” и одно придаточное “кеч кирсе да”. При этом придаточное обладает полнозначной субъектно-предикатной структурой, в то время как главное обладает неполнозначной такой структурой. Подчинительная связь придаточного с главным осуществляется подчинительным аффиксом “-се” в сочетании с частицей “да”.

Отметим, что в английском языке, который обычно характеризуется как аналитический, нам не встретились в нашем материале сложноподчиненные предложения с одной неполнозначной предикативной линией. Видимо, это обусловлено тем, что синтаксическая структура английского предложения – неважно, главного или придаточного – должна всегда состоять из двух компонентов: подлежащего и сказуемого; при этом подлежащее зачастую может иметь формальный характер [3, с.224].

Таким образом, основная характеристика заключается у сложноподчиненных предложений не столько в наличии у них, как минимум, двух составных частей, а сколько в том, что они обладают, как минимум, двумя предикативными линиями; причем одна предикативная линия может быть, большей, частью в кыргызском языке, неполнозначной, т.е. у нее может отсутствовать одна составляющая. Данная характеристика, а именно, наличие двух предикативных линий, отмечает сложноподчиненное предложение от простого распространенного. А подчинительная связь в семантической структуре сложноподчиненного предложения отличает его от сложного предложения сложносочиненного типа, в котором наличествует сочинительная связь.

С позиций семантики главное и придаточное предложения в составе сложноподчиненного в обоих языках отличаются наличием автосемантики первое и синсемантики второе. Автосемантика главного предложения представляет собой такой смысл, который является самодостаточным, может быть понят и растолкован без обращения к каким-либо другим предложениям. “Под автосемантией понимается способность языковой единицы-слова или предложения –выражать значение или высказывание вне зависимости от других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации” [5, с. 184]. Качество автосемантики присуще главному предложению как в английском, так и в кыргызском сложноподчиненном предложении; например:

(7) *“As Seniorita Anabela's carriage rolled slowly past, she gave Fergus a long, soft glance from the corners of her night-black eyes, a glance that would have sent Judson Tate up into heaven in a rubber-tired chariot” [12, с. 146].*

-Когда коляска сеньориты Анабелы поравнялась с нами она одарила Фергюса долгим ласковым взглядом своих черных, как ночь глаз, от одного взгляда которых Джасдсон Тейт вознесся бы к небу в колеснице на резиновом ходу.

(8) *"If you meant falsely" said the old man, I think God would strike you dead*" [11].

- "Если ты меня обманеешь, - сказал старик, - пусть господь покарает тебя смертью."

Английское главное предложение *she gave Fergus a long ...* в составе сложноподчиненного (7) отличается автосемантикой, поскольку его смысл является самодостаточным и без обращения к его придаточной части *As Senorita Anabela's ...* Английское главное предложение *I think God...* в составе сложноподчиненного (8) также характеризуется как автосемантическое, поскольку его смысл является самодостаточным и растолковывается и без обращения к его придаточной части *If you meant falsely*.

(9) *Тайыр хандын айбаты чыгып, куч алып баратканын сезген Султан Саид хан 1526-жылы өз эччилерин Тайыр ханга жана кыргыз уруу баичыларына жиберип, дос-тууганчылыкта жасиоону сунуш кылат* [10, с. 175].

- Когда стало широко известно грозное имя Тайыр- хана, который все набирал силу, то что почувствовавший это Султан Саид послал в 1526 году посольство к Тайыр- хану с предложениями дружбы и родства.

(10) *Сайран тосот булбулдар,*

Ал да мендей ырга ынак [14, с. 83]

- С песнями встречают соловьи,

Они, также как и я, любят петь.

Главное предложение "*Султан Саид хан 1526-жылы...*" в составе сложноподчиненного (9) отличается автосемантикой, так как его смысл никоим образом не зависит от смысла придаточного "*Тайыр хандын айбаты...*". Аналогичным образом главное предложение "*Сайран тосот булбулдар*" в составе сложноподчиненного (10) является автосемантическим, поскольку его смысл является самодостаточным и может быть идентифицирован и без обращения к смыслу придаточного предложения "*Ал да мендей ырга ынак*".

Придаточные же предложения в составе сложноподчиненных в английском и кыргызском языках отличаются синсемантической. "Под синсемантией понимается способность языковой единицы – слова или предложения – выражать значение или высказывание лишь в сочетании с другими языковыми единицы, на фоне контекста или ситуации" [5, с. 184]. Приведем некоторые примеры:

(11) *"Before each of us left home after graduation we promised each other, as a sigh of friendship, to give our first-borns, if they were boys, the name of Chingiz, and if one of us had a boy and the after a girl, to become related."* [10, с. 60]

"Перед тем, как разъехаться по домам, мы с Торскуном в знак дружбы договорились дать своим первенцам, если родятся мальчики, имя Чингиз, если же у одного из нас родится мальчик, а у другого девочка, то мы решили породниться".

(12) *"I reckon you must have been at 'Ninety-Six", – perhaps at Cowpens, too, if you went with Morgan?"* [13, с. 326].

"В девяносто шестом" и ты, наверное, был и при Коупенсе, поди, тоже **раз** ты шел с Морганом?".

(13) *Инга Федоровна экөөнүн ортосунда пайда болгон мамилени "тагдырындагы жаңы доор" деп айтуу менен, Авдий Каллистратов болбогон романтикага аша чаппады* [1, с. 199].

Когда Инга Федоровна **сказала,** что возникшие между ними двоими отношения "есть новая эпоха в их судьбе", то Авдий Каллистратов не стал обращать внимания на ненужную романтику.

(14) *Кыйла убакта кырдан ай көтөрүлүп, капчыгай ичи анча жсарыгып көлкулдөгөн ак нур токой-шаакка тепчилип, жерге которулгон сүт болуп айланyp жыгылып калды.*

Поднявшаяся через продолжительное время над гребнем луна, осветив немного ущелье, отбрасывая колеблющиеся белые лунные тучи на массив леса, разливаясь как молоко по земле, стала распространяться вокруг неодинаково.

Английское придаточное предложение *Before each of us...* в сложноподчиненном предложении (11) является синсемантическим, поскольку его смысл, даже обладая определенной предикативной линией, не может быть адекватно понят и идентифицирован без обращения к смыслу главной части сложноподчиненного предложения *We promised each other, as a sigh ...* Таким же образом смысл английского придаточного *... if you went with Morgan?* никак не может быть правильно идентифицирован без обращения к смыслу главной части сложноподчиненного предложения (12) *I reckon you must ...*, и, следовательно, данное придаточное является синсемантическим предложением.

В кыргызском примере (13) его придаточная часть "*Инга Федоровна экөөнүн ортосунда ...*" отличается синсемантической, поскольку, даже обладая полнозначной предикативностью, никак не может быть правильно понята и идентифицирована без обращения к смыслу главного предложения "*Авдий Каллистратов болбогон...*". Аналогичным образом придаточная часть "*Кыйла убакта кырдан ай көтөрүлүп,...*" кыргызского сложноподчиненного предложения (14) характеризуется как синсемантическая, поскольку весь ее смысл не может быть правильно растолкован без обращения к смыслу главного предложения "... аланyp жыгылып калды".

Две означенные характеристики английских и кыргызских сложноподчиненных предложений: 1) наличие, как минимум, двух предикативных линий определенных степеней качества; и 2) наличие семанти-

ческих свойств автосемантики и синсемантики – являются важными для рассмотрения означенных сложно-подчиненных предложений с позиций функциональной грамматики.

“Функциональная грамматика – разновидность грамматики, имеющая объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования; грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций” [15, с. 565].

Все разноразрядные языковые средства, объединенные одной общей семантической категорией и выражающие какую-либо одну область языкового бытия, образует, так называемое, функционально-грамматическое поле. В зависимости от общей, или основной семантической (грамматической) категории в теории функциональной грамматики различают самые различные функционально-грамматические поля: бытийности, процессуальности, темпоральности, аспектуальности, модальности, определенности/ неопределенности и др. В нашем исследовании мы имеем дело с функционально-грамматическим полем придаточных предложений, изучаемого на сопоставительном материале аналитического английского и агглютинативного кыргызского языков.

Любое функционально-грамматическое поле связывается в относительно упорядоченную языковую структуру посредством общей семантической принадлежности. Оно базируется на общей семантико-грамматической категории, выраженной системно связанной группировкой “... грамматических и “строєвых” лексических единиц, а также различными комбинированными (лексико-синтаксическими и т.п.) средствами данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций” [15; 8].

Общая семантическая функция для придаточных предложений в английском и кыргызском языках едина, она выражается в смысловой зависимости семантики придаточного предложения от таковой главного. В синтаксисе английского языка “сложноподчиненное предложение состоит из неравноправных предложений, т.е. одно предложение является зависимым от другого и поясняет его. Предложение, которое поясняет другое предложение, называется придаточным (the Subordinate Clause)” [17].

Аналогичная зависимость придаточного от главного предложения наблюдается также и в синтаксисе кыргызского языка. “Сложноподчиненное предложение состоит из главного и придаточного предложения, которое поясняет, дополняет главное” [16, с. 151–152].

С позиций теории функциональной грамматики означенная общая смысловая, семантическая функция подчинения, свойственная для придаточных предложений в аналитическом английском и в агглютинативном кыргызском языке, должна быть интерпретирована как общая грамматическая категория подчинения. “В основе грамматической категории лежит категориальный семантический признак, но грамматическая категория в целом представляет собой двухстороннее единство, охватывающее планы содержания и выражения” [8, с. 167].

Грамматическая категория подчинения, имеющаяся в семантической структуре сложноподчиненного предложения в обоих анализируемых языках, английском и кыргызском, всегда бывает определенной, то есть конкретной. Так, в синтаксисе английского языка сложноподчиненные предложения различаются по своим придаточным предложениям, которое в теоретической грамматике английского языка классифицируются по трем группам: 1) придаточные подлежащные, придаточные сказуемостные и придаточные дополнительные; 2) придаточные определительные и 3) придаточные обстоятельственные. “Предложения первой группы подчиняются главному при помощи изъяснительных союзов (that, whether, if), союзных слов (вопросительных местоимений и наречий) и бессоюзным способом. Предложения второй группы почти исключительно вводятся союзными словами (относительными местоимениями и наречиями) и также бессоюзным способом. Для подчинения предложений третьей группы характерно преимущественное использование обстоятельственных союзов; лишь в отдельных случаях встречаются союзные слова или бессоюзное подчинение” [7, с. 171].

Приблизительно сходная классификация придаточных предложений в составе сложноподчиненного наблюдается в кыргызском синтаксисе, только здесь придаточные предложения подразделяются на пять типов в зависимости от соотношенности с каким-либо членом главного предложения: 1) придаточные, поясняющие подлежащее; 2) придаточные, поясняющие сказуемое; 3) придаточные, поясняющие дополнение; 4) придаточные, поясняющие определение; 5) придаточные, поясняющие обстоятельство. “Специфику кыргызского сложноподчиненного предложения создают придаточные предложения, сказуемые, которых трансформируется в особой структуре при помощи аффиксов. Эти аффиксы, если сравнить со структурой сложноподчиненного предложения русского языка, включают в себе синтаксическую функцию подчинительных союзов и союзных слов русского языка. Именно поэтому придаточное предложение кыргызского языка не обладает такой смысловой самостоятельностью, какой обладают придаточные предложения русского языка, если отсечь союзы” [16, с. 160–161].

Однако, наблюдения над характером языкового материала придаточных предложений, а также обзорно-теоретический анализ соответствующей научно-лингвистической литературы, показывают, что наиболее объемную группу в классификации придаточных предложений в обоих сравниваемых языках, английском и кыр-

гызском, составляют придаточные обстоятельства. Отметим еще раз в этой связи, что, поэтому, именно придаточные предложения обстоятельственные избраны нами в качестве предмета сопоставительного изучения.

Придаточные обстоятельства обладают в обоих языках столь широкой и объемной семантикой, что зачастую многие лингвисты помещают в класс придаточных обстоятельственных также и некоторые придаточные с иными значениями, например, со значением объектности (дополнительности) или же со значением атрибутивности (определятельности) [3; 4]. Аналогичное наблюдается и в кыргызском языкознании, в котором значительно расширяются границы придаточных обстоятельственных в связи с тем, что “структура языка находится в состоянии постоянного развития. Это относится и к предложению как элементу языковой структуры. С точки зрения и лексического состава и грамматического строя, внутри предложения происходят перегруппировки, моделирование, и в результате это может привести к тому, что наряду с появлением новых форм, в нем сохраняются рудименты” [6; 2].

Как показывает замечательный кыргызский языковед-грамматист, и синтаксист-типолог А. Жапаров (А. Жапар) при переводе большинства разнотипных придаточных предложений с других языков на кыргызский, а точнее, при переводе с русского на кыргызский, все иноязычные придаточные предложения в составе сложноподчиненного большей частью передаются в переводящем кыргызском языке структурой с придаточными обстоятельственными: и такой перевод обусловлен широкими функциями кыргызских придаточных обстоятельственных предложений. В силу того, что нижеследующая цитата из сопоставительного русско-кыргызского исследования названного автора представляется важной, то процитируем ее еще раз и выделим подтверждающие нашу мысль места: “По характеру функций, которые выполняют придаточные предложения по отношению к главному в составе сложноподчиненного предложения, и по структурным особенностям, они классифицируются на ряд разновидностей, причем все они рассматриваются в системе обстоятельственных видов предложений, среди которых выделяются придаточные времени, цели, причины, условия, противительности, сравнения, образа действия, меры, способа действия и т.п.” [6, с. 39].

Таким образом, придаточные обстоятельственные представляют собой в обоих сравниваемых языках самую влиятельную и самую многочисленную группу зависимых предложений в составе сложноподчиненного.

Придаточное обстоятельственное предложение поясняет характер действия или же какой-либо признак действия, выраженного в глаголе, прилагательном или наречии главного предложения; оно присоединяется к главному предложению посредством союзов, союзных слов или же бессоюзным способом в английском языке, и посредством союзов, союзных слов, присоединительных аффиксов или же бессоюзным способом в кыргызском языке [3; 6; 17].

Данная дифференцирующая грамматическая категория входит частью своей семантики в смысловую структуру общей грамматической категории, поясняет и дополняет последнюю. Если общая грамматическая категория присуща объемной внеязыковой ситуации, то дифференцирующая грамматическая категория является в менее объемной частной внеязыковой ситуации. Функциональная грамматика изучает общие грамматические категории в объемных ситуациях, а дифференцирующие грамматические категории в “... частной ситуации, с которыми соотносится данная грамматическая категория с ее субкатегориями; обозначение таких частных ситуаций интерпретируется как функция категорий” [18, с. 48–49].

Для английского синтаксиса с позиций функциональной грамматики наличие перечисленных выше дифференцирующих грамматических категорий представляется, по всей вероятности, недостаточным и неполным. Данные дифференцирующие грамматические категории “причины, условия, уступки и следствия” констатируют грамматико-семантические структуры зависимых от главного придаточных предложений, но их число никоим образом не ограничивается перечисленными выше четырьмя видами одноименных придаточных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч. Чыгармаларынын жыйнагы. 1-том : Повесттер, ангемелер./ Түз. А. Акматалиев-Бишкек : Бийиктик, 2008. – 380 б.
2. Ахматов Т. К., Давлетов С. А., Жапаров Ш. Ж, Захарова О. В. Киргизский язык : учебник [для русских групп вузов Кирг.ССР]. – Фрунзе : Мектеп, 1975. – 301 с.
3. Беляева М. А. Грамматика английского языка : учеб. пос. [для студ.] / М. А. Беляева. – [изд. второе]. – М. : Высшая школа, 1977. – 333 с.
4. Вальваков Р. В. Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными предложениями английского и русского языков в функционально-семантическом аспекте : автореф. дис. канд. фил. наук / Р. В. Вальваков, 2011. – 19 с.
5. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И., Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.

6. Жапар А. Синтаксический строй кыргызского языка : учебник [для вузов] / А. Жапар. – Бишкек : Мектеп, 1992. ч. II. – 352 с.
7. Жигалдо В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л., Современный английский язык. Теоретический курс грамматики : учебник. – М. : Иностранная литература, 1956. – 350 с.
8. Теория функциональной грамматики: введение. Актуальность [отв. ред. А. В. Бондарко]. – Л. : Наука, 1987.
9. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain. – М. : Эксмо, 2012. – 288 с.
10. Усубалиев Б. Түн: Повесттер / Б. Усубалиев. – Бишкек : Авразия, 2009. – 412 б.
11. Stevenson R. L. The bottle of Jam / R. L. Stevenson. – М. : Эксмо, 2013. – С. 104–184.
12. Henry O. Best American Short Stories / O. Henry. – М. : Эксмо, 2013. – Р. 124.
13. Simms W.G. Американская романтическая проза / W.G. Simms. – М. : Радуга, 1984. – С. 134–381.
14. Токомбаев А. (Балка) / А. Токомбаев. – Тандалмалар-Бишкек : КЭ Башкы ред., 1995. – 224 б.
15. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 175 с.
16. Биялиев К. А. Кыргызский язык : учеб.пос. / К. А. Биялиев. – Бишкек : Раритет-Инфо, 2003. – 128 с.
17. Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. – [в 2-х т.]. Т. 2. – [8-е изд.]. – Киев : Методика, 1995. – 304 с.
18. Теоретические проблемы советского языкознания 1977–86 гг. – [сборник обзоров]. – М. : АН СССР, 1987. – 162 с.

И.Н. Коваленко,

магистр филологических наук,

Международный гуманитарный университет,

г. Одесса, Украина

ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАТИКИ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ НОРМЫ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Перевод научного текста считается аутентичным, когда соблюдаются основные нормы перевода. Это не приводит к сдвигам в семантике всего текста, т. е. основная цель переводчика является достигнутой.

Норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти разных видов нормативных требований (3, с. 32):

1. нормы эквивалентности перевода;
2. жанрово-стилистической нормы перевода;
3. нормы переводческой речи;
4. прагматической нормы перевода;
5. конвенциональной нормы перевода.

Качество перевода научного текста (далее – НТ) прежде всего зависит от содержательной близости перевода оригиналу, т. е. смысловой доминантой при переводе НТ является норма эквивалентности перевода. Она не является единственной значащей характеристикой при процессе перевода любого НТ. НТ, коммуникативно равноценный оригиналу, на наш взгляд, невозможен без еще одной составляющей – прагматической нормы перевода, которую, вслед за В. Н. Комиссаровым, мы понимаем как «стремление обеспечить желаемое воздействие на Рецептора» (3, с. 210). В случае НТ прагматическая ценность заключается в максимальной приближенности к оригиналу (на уровнях лексическом, словосочетательном, на уровне предложения). Различия, существующие в вербальном опыте и зафиксированные в языке оригинала, при трансформации из одной языковой системы в другую могут сохранять особенности культурно-языковой среды, которая породила языковые феномены. Эмоционально-экспрессивные лингвистические средства, отражающие особенности культурно-языковой среды, употребляемые в переводном НТ, зачастую либо искажаются, либо замещаются на неравнозначные по смыслу языковые единицы, при этом страдает и норма эквивалентности перевода, и прагматическая норма перевода.

Для сравнительного анализа возьмем переводы двух книг по менеджменту – П. Друкера «Management: Tasks, Responsibilities, Practices» [2] и Фрэнсиса Фукуямы «Trust» [5].